

В деревне Хуайлин готовятся к радостному событию — свадьбе того самого деревенского перестарка-гэра Тянь Яо, которого никто не мог выдать замуж.

Тянь Яо не могли выдать замуж не из-за его плохого поведения или какого-то другого недостатка, а из-за той силы, что была в его теле.

В прошлом году одна сваха приводила к нему свататься соседского парня Чжао Цина, и Тянь Яо, руководствуясь настроем «пришедший — гость», довольно тепло их принял, и глазающие на это сельчане решили, что Тянь Яо тем самым молча согласился на эту свадьбу, и все стали поздравлять Тянь Яо.

Тянь Яо, в общем-то, не испытывал особой симпатии, просто думал, что женитьба — она и есть женитьба, лишь бы можно было отчитаться перед папой и маленьким папочкой.

Однако его отношение привело к тому, что Чжао Цин решил, будто Тянь Яо никуда без него не денется, и, зная, что тот без отца и матери, живёт один, сговорился со своей старой матерью отказаться от выкупа, поэтому ночью тайком пробрался в комнату Тянь Яо, но был избит Тянь Яо до полусмерти, к тому же повредил своё мужское достоинство.

О свадьбе, естественно, не могло быть и речи, Тянь Яо особенно не горевал, но вот та семейка уцепилась за Тянь Яо — мол, или выходи замуж, или плати деньги. Тянь Яо, естественно, замуж не хотел, поэтому пришлось заплатить, чтобы замять дело, — жалко только тех тринадцати лян серебра, которые он копил два-три года на обновление дома.

Но Чжао Цин, после того как Тянь Яо его избил, лишился способности к супружеским отношениям и, затаив обиду, принялся распускать о Тянь Яо всякие небылицы: что он заморил отца и заморил маленького папочку, и в будущем, чего доброго, заморит и мужа; что лицом он словно яча — с синей мордой и клыками. Хотя сельчане постоянно объясняли, как всё было на самом деле, из-за того, что слухи разошлись слишком широко, Тянь Яо в глазах других стал именно таким. Со временем свадебные дела Тянь Яо так и застопорились.

На стыке лета и осени Тянь Яо заболел. И без того небогатая семья оказалась в ещё более тяжёлом положении; если бы он не поправился, пожалуй, этой зимой он бы замёрз насмерть.

Он тянул с болезнью несколько дней, кой-как пропив домашних трав, наконец почувствовал облегчение, смог подняться и собрался в горы — проверить, не попалось ли что в ловушки, которые поставил до болезни.

Только он переоделся, как услышал, что его зовут. Это была тётушка Шунь, пришедшая полоть траву: «Яо-гэр, староста просит тебя зайти к нему домой».

Тянь Яо жил в самой глубине деревни Хуайлин и обычно со старостой почти не пересекался. В прошлый раз, когда к нему заявили люди из соседней деревни, староста приводил деревенских мужиков поддержать его, и Тянь Яо всё хотел его отблагодарить, но не шёл из-за

болезни — перекинуть на старосту свою хворь было бы нехорошо.

Староста просто так его тоже не звал. Тянь Яо недоумевал, но всё же нашёл в своём пустом доме несколько уцелевших яиц и, держа их в руке, отправился к старосте. Староста жил в самом центре деревни Хуайлин, в первом в деревне доме из зелёного кирпича.

— Староста, вы меня звали?

Староста Тянь посмотрел на Тянь Яо — тот так исхудал, что лица не узнать. Он взял свою курительную трубку, глубоко затянулся:

— В последнее время как?

— Нормально. — Тянь Яо совсем растерялся. В его памяти староста всегда ходил с чёрным лицом и никогда с ним даже не здоровался.

— Дело вот в чём: есть тут одна свадьба, посмотрим, согласен ты или нет. — Староста не стал тратить слов попусту. По правилам, сватать нужно через сваху, но Тянь Яо был без отца и без матери, к тому же с дурной славой, поэтому староста не стал обращать внимания на столь многие обряды.

— А? — Разве с неба падают пирожки? Тянь Яо посмотрел на яйца в своей руке и подумал, что подарок всё же слишком лёгкий.

— Только один недостаток — у него ноги отказали. И не ты за него идёшь, а он к тебе в дом, будет тебе вошедшим в семью мужем. — Староста снова глубоко затянулся. Лицо у него было очень чёрным, и когда он на кого-то смотрел, всегда казалось, что он сверлит взглядом.

— И правда бывает такое счастье? — Тянь Яо недоверчиво посмотрел на старосту. — С чего бы такому счастью свалиться на мою голову?

Тянь Яо был не из закомплексованных, просто та семейка слишком испортила его репутацию, так что даже в самой деревне Хуайлин те, кто его не знал, поверили этим слухам, и оттого его свадьба откладывалась слишком долго.

Когда умирал его маленький папочка, он сказал Тянь Яо, что лучше всего найти того, с кем можно прожить жизнь по обоюдной любви, но хотя он и научил Тянь Яо достаточно самостоятельности, всё равно не хотел, чтобы тот один мучился, поэтому тоже надеялся, что Тянь Яо когда-нибудь найдёт кого-то, кто будет о нём заботиться.

Только вот незадача — теперь вообще никто не приходит свататься.

Староста поперхнулся дымом. Этот Тянь Яо — внешнеюстью не такой уж нежный, как обычно

гэры, к тому же обладает недюжинной силой, и даже к свадьбе не проявляет свойственной гэрам сдержанности и застенчивости — кажется, он просто не может дождаться.

— Не знаю, счастье это или беда, но если согласен, можешь забрать человека хоть сегодня. — Староста убрал трубку. — Сразу скажу: заберёшь человека — относись к нему хорошо.

Такое впечатление, будто это Тянь Яо был мужчиной, а выходил за него — гэр.

— Это, это слишком поспешно. — Тянь Яо замахал руками. — Совсем ничего не готово, как же, надо же хоть как-то подготовиться.

Староста подумал и сказал:

— Тогда забирай его сегодня, а завтра, смотрю, день хороший, для свадьбы подходит. Завтра и проведём обряд, я попрошу нескольких тётушек помочь тебе.

— Так торопиться-то зачем? — Тянь Яо почесал затылок. — Староста, вы уж не хотите ли меня обмануть?

— Что у тебя обманывать? — Староста нахмурился. — Я вот как думаю: лучше выбрать того, кого ты сам сможешь удержать в руках, чем ждать, пока тебе посватают какого-нибудь ненадёжного.

Тянь Яо удивился. У них со старостой никогда не было близких отношений, и вдруг староста так о нём заботится.

Как только староста договорил, кто-то вынес того человека. Он довольно жалко лежал на деревянной доске, волосы сбились в колтуны, закрывая половину лица, Тянь Яо мог видеть только его бескровные губы и шею со вздувшимися венами.

— Кроме того, что ноги сломаны, никаких проблем. — Староста посмотрел на Тянь Яо. — Можешь забирать человека?

Тянь Яо присел на корточки, но всё равно не мог разглядеть его лицо за волосами. Он поднял голову и спросил:

— Староста! Вы же не украли этого человека?

— Тьфу, — сплюнул староста. — У него семья разорилась, остался один. Надо же дать человеку какую-никакую надежду на жизнь.

Может быть, именно фраза «остался один» заставила сердце Тянь Яо дрогнуть. Он ухватил себя за волосы:

— Ладно, тогда я его прямо сейчас и заберу?

— Забирай, приведи как следует в порядок, а завтра дело сделаем, и этим ты закроешь долг перед своим папой и маленьким папочкой.

Тянь Яо вздохнул, не зная, тот спал или был в сознании. Он приблизился, и почувствовал кислый затхлый запах — невозможно представить, насколько грязными были эта деревянная доска и та подстилка.

— Братец Дачжуан, помоги. — Тянь Яо, зажимая нос, откинул подстилку, подложил руки, и Тянь Дачжуан помог взвалить того человека ему на спину, и Тянь Яо так и понёс его прочь.

Когда Тянь Яо ушёл с человеком на спине, Тянь Дачжуан спросил у отца:

— Отец, ты это что же — толкаешь Яо-гэра прямо в огонь?

Староста снова взял курительную трубку, глубоко затянулся, посмотрел за ограду — там уже никого не было — и только тогда тихо сказал:

— Это тоже человеческая жизнь. Яо-гэр — хороший. Просто те люди, видя, что молва о Яо-гэре пошла такая дурная, и заставили меня позвать Яо-гэра.

Тянь Дачжуан почесал затылок — не очень-то понял, но расспрашивать не стал.

Юй Ян лежал на не очень широкой спине Тянь Яо, в ладони его была зажата шпилька — один её конец был остро отточен.

Девятнадцать лет своей жизни до этого он прожил безудержно и своевольно. Отец с матерью были богатыми купцами в Юаньцанфу, их влияние было непомерным. Только большое дерево притягивает ветер.* Из-за партии дани, что прошла через руки отца, случилась оплошность, отец с матерью угодили в темницу, и сверху последовала скорая расправа — казнь, а его, как неразумного юнца, пощадили и оставили в живых.

Когда его выдворяли из Юаньцанфу, он столкнулся с врагами их семьи Юй. Фэн Чжэ, который всегда смотрел на него косо, стоило Юй Яну оказаться в беде, решил изощрённо унижить его — сначала перерезал ему жилы на ногах, а потом велел отправить его сюда.

Фэн Чжэ знал его гордый и надменный нрав и хотел растоптать всю его гордость. В доме старосты он лежал, как скотина, на деревянной доске, слушал, как его обсуждают и оценивают, и в конце концов его продали, и теперь этого человека несли на спине.

От дома старосты до дома Тянь Яо было довольно далеко, но даже неся на спине мужчину ростом в восемь чи*, Тянь Яо шёл бодрым шагом и даже не запыхался.

Тянь Яо положил человека на свою кровать. Он жил один. Дом ещё при жизни строили его

папа и маленький папочка: две кирпичные комнаты — одна спальня, другая была его в детстве, а теперь там завалился хлам; на боковой стороне двора был навес — там готовили еду; а неподалёку от дома было небольшое пространство, выложенное кирпичом — там был нужник.

У других жителей деревни Хуайлин нужники отдельно не строили, считая это лишним. Но отец Тянь Яо построил его отдельно, потому что его маленький папочка был очень чистоплотным. Тянь Яо помнил, как тогда над папой смеялись в деревне — боится, мол, своего фулана, мужик своего достоинства лишился. Но папа только смущённо и глуповато улыбался.

Тянь Яо привёл этого человека домой, думая про себя: они оба в одной беде — оба потеряли родителей. А станут они мужем и супругом или нет — это ещё посмотрим, главное, если бы Тянь Яо его не забрал, неизвестно, смог бы он вообще выжить или нет.

Маленький папочка с детства учил его делать добрые дела, пусть даже не получишь отплаты — лишь бы собственная совесть была спокойна.

Он положил человека на кровать, а сам пошёл в маленький сарай греть воду. Сейчас уже наступила осень, всё равно надо было отмыть человека дочиста.

Хорошо, что он жил в глубине деревни и ему не приходилось пользоваться колодцем вместе со всеми — вода к нему шла самотеком с горы, что избавляло от многих хлопот с тасканием вёдер.

Сарай-кухня был небольшой: земляная печь, маленький шкафчик для мисок и палочек, а ещё большой чан с водой. Тянь Яо сидел у печи, поднимался пар, и он вздохнул.

А тем временем Юй Ян лежал на кровати. Постель была очень мягкой, он давно не спал на такой удобной кровати. Тот гэр, что принёс его, куда-то исчез. Юй Яна притащили сюда, в эту деревню, из Юаньцанфу.

Фэн Чжэ знал, что он не выносит гэров, и решил сделать его вошедшим в семью мужем для какого-то деревенского гэра.

В сознании он слышал, как эти люди обсуждают того гэра: говорили, что он синемордый и клыкастый, грубый и мерзкий, что он ещё не замужем, а по ночам в его комнату шляются мужики, что он живёт в такой нищете, что даже кровать можно пустить на дрова.

Фэн Чжэ постарался на славу, чтобы найти такого гэра и унижить его.

Тянь Яо затащил в комнату деревянную бадью, потом начал по одному ведру подливать горячую воду. Когда всё было готово, он взял нож и подошёл к Юй Яну.

Ножом он владел ловко — быстро срезал все спутанные колтуны и постепенно разглядел лицо Юй Яна.

Он был очень худ — всё лицо высохшее, скулы выпирали, взгляд мрачный, даже немного жутковатый.

Тянь Яо платком вытер грязь с его лица. Кроме худобы, этот человек был довольно хорошо сложен лицом. Откормить его — должен выйти красавчик.

Тянь Яо смотрел на Юй Яна, и Юй Ян смотрел на Тянь Яо. Он ожидал, что тот, как они говорили, окажется гэром с перекошенным от жира лицом и уродливый до безобразия, а в итоге увидел, что черты его лица тонкие и чистые, с первого взгляда лицо самое обыкновенное, но чем дольше смотришь, тем приятнее оно становится.

— Хотя тело и волосы даны нам родителями, твои волосы слишком мешают, расчесать их уже невозможно, так что придётся отрезать. — Тянь Яо говорил и делал, и вскоре привёл его копну волос в полный порядок.

Закончив с волосами, Тянь Яо протянул руку расстёгивать петли его одежды, ничуть не помня о положенной гэру стыдливости.

Юй Ян накрыл его руку своей, но у Тянь Яо оказалась огромная сила, и он, отпустив его руку, продолжил расстёгивать:

— Тебя надо помыть.

Юй Ян уже давно не разговаривал. Он пошевелил губами, но звука не получилось. Попробовал снова — наконец выдал:

— Не надо.

— Нельзя. — Тянь Яо был непреклонен и отказа не принимал.

У Юй Яна совсем не было сил, пришлось позволить Тянь Яо снять с него одежду, а затем приняться стягивать штаны.

На этот раз Юй Ян не стал уступать, только ухватился за пояс, явно показывая, что против.

— Ты видел, чтобы мылись, но не мыли нижнюю половину? — Тянь Яо вытер пот. — Да мы скоро поженимся, ты что, боишься, что я на тебя посмотрю?

У этого гэра вообще стыда не было!

Тянь Яо, пока тот зазевался, рывком стащил с него штаны. Первым делом он увидел не то, чего не следовало, — он увидел его ноги, на обеих уже образовались пролежни. Ноги были отекшие, и пролежни поверх них выглядели отвратительно.

Юй Ян тоже заметил его взгляд, но ничего не мог поделать — только выставил обе ноги под его взгляд. Он поднял голову, но не увидел в глазах Тянь Яо отвращения, только некоторую растерянность, которая тут же переменилась в решимость.

— А ещё упрямишься, — пробормотал себе под нос Тянь Яо, затем всё же раздел его догола и опустил в бадью.

Юй Ян давно уже не мылся. Оказавшись в тёплой воде, он облегчённо вздохнул. Тянь Яо, не мешкая, нашёл кусок мыла и принялся мыть ему волосы. Работал молча, сосредоточенно — распутал спутанные пряди, расчесал.

Волосы вымыл, обернул тканью, принялся тереть спину.

Руки у него были не мягкие — на ладонях толстый слой мозолей, и вскоре на спине Юй Яна проступили красные полосы, но он всё же знал стыдливость — нижнюю половину тела мыть не стал, оставив это ему самому.

За время мытья дважды поменял воду, пока не отмыл Юй Яна с ног до головы.

Подстилку, на которой Юй Ян лежал до этого, он сменил и переложил Юй Яна на кровать.

Одежда Юй Яна ему не подходила, поэтому он нашёл старую одежду покойного папы — кое-как подошла по размеру.

Верх надел, а низ оставался неприкрытым. Тянь Яо сходил в другую, захламлённую комнату, нашёл там какие-то травы, взял ступку, истолок их и намазал на пролежни Юй Яна.

Потом вынес бадью из комнаты, снова сел у изголовья кровати — вытирать Юй Яну волосы и заодно говорить с ним.

— Меня зовут Тянь Яо. Отца с маленьким папочкой нет, а дом — сам видишь, какой. — Раз уж им предстояло пожениться, надо было дать человеку знать обстановку. В общем-то, он был этим человеком вполне доволен. Худой — откормится обратно.

Взгляд у Юй Яна был очень холодным, и тут до Тянь Яо дошло, что, возможно, Юй Ян вовсе не хочет на нём жениться.

п/п:

«Большое дерево притягивает ветер» (кит. 大树招风, shù dà zhāo fēng) — устойчивое выражение, означающее, что человек, занимающий высокое положение или обладающий большим богатством, неизбежно привлекает к себе внимание и неприятности.

Чи (кит. 尺) — китайская единица измерения длины, исторически варьировалась, но в

современном контексте часто воспринимается как около 33 сантиметров. «Восемь чи» (примерно 2,6 метра).

<http://bllate.org/book/17624/1640694>